

Роман Лялин

Jonathan Brunstedt. The Soviet Myth of World War II: Patriotic Memory and the Russian Question in the USSR. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. 306 pp. ISBN 9781108498753.

Роман Лялин, факультет истории, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Россия. roma.lualin@gmail.com.

В недавнем исследовании «Советский миф Второй мировой войны: Патриотическая память и русский вопрос в СССР» Джонатан Брунстедт рассматривает проблемы национальной политики, патриотической мобилизации и русского национализма в контексте официальной памяти о войне. На основе множества архивных источников и опубликованных научных работ автор рассматривает технологии и механизмы культурного управления и мифотворчества, использовавшиеся советскими элитами с целью создания общей (над)национальной идентичности, для которой Великая Отечественная война стала объединяющим фактором.

Брунстедт отмечает, что в современной историографии памяти о войне наметилась тенденция отказа от концентрации на центре в пользу изучения локального уровня – разнообразного общественного и регионального опыта (Amar 2015; Davis 2017; Mijnsen 2021). В рамках же собственного исследования он полагает такой фокус эвристически полезным для выявления взаимоотношений между государством и обществом, а также анализа памяти о войне как их совместного проекта (с. 11). Написанная из этой перспективы, работа Брунстедта дополняет (пост)ревизионистское видение проблематики памяти о войне. Последнее акцентирует общественную инициативу и участие населения в противовес тоталитарному взгляду, рассматривающему официальную память о войне исключительно как навязанный обществу проект (Timarkin 1994; Бордюгов 2010).

Кроме того, автор указывает на выявленные им лакуны в исследованиях русского национализма в СССР. Ицхак Брудный и Николай Митрохин показали, что между коммунистической партией и русской националистической интеллигенцией существовали связи, влиявшие на советский патриотизм и идеологию (Brudny 1998; Митрохин 2003). Хотя Митрохин утверждает, что русские националисты участвовали в формировании памяти о войне, отношения между позднесоветским мифом победы и русским национализмом до рецензируемой работы оставались практически неисследованными. Так, книга Брунстедта стремится ликвидировать эту лакуну.

В основе теоретических построений автора лежит убежденность в том, что в СССР существовали два выраженных и легко распознаваемых нарратива о Великой Отечественной войне и вытекающие из них различные основания для патриотической мобилизации – «руссоцентристская» и «пансоветская»/«интернациональная» парадигмы. Первая была органичным продолжением и частью сталинского руссоцентризма: в этом нарративе акцент ставился на ведущей роли русских в достижении победы в Великой Отечественной войне. Вторая же парадигма базировалась

на идеях коллективного характера победы и коллективного героизма, продемонстрированного в годы войны всеми советскими нациями и народностями (с. 22–23, 27). Оба нарратива взаимодействовали и соперничали друг с другом в качестве объяснительных моделей советской исторической политики в сталинский период (с. 27). Однако после смерти Иосифа Сталина в 1953 году акценты сместились: в это время русские в официальных нарративах о дореволюционной истории стали занимать лидирующую, прогрессивную и объединяющую роль для всех других народов. Напротив, описание Великой Отечественной войны в то же время приобрело выраженный интернациональный характер: в соответствии с этой концепцией, русские принимали участие в войне на равных с представителями других советских республик (с. 30).

В союзных республиках рассказы о национальной дореволюционной истории и культуре соседствовали с нарративом о русском народе-объединителе. Кроме того, советский период истории всегда помещался в интернациональный контекст (с. 167). Так, этническая и советская идентичности могли существовать одновременно и не противостоять друг другу. Исследование Брунстедта объясняет читателю, как эти нарративы сосуществовали в советской культуре 1940–1980-х годов и под влиянием каких обстоятельств та или иная интерпретация войны брала верх.

Рецензируемая монография состоит из пяти глав. Первые две посвящены памяти о Великой Отечественной войне в период позднего сталинизма: различным способам ее описания и связям с дореволюционным прошлым. В третьей главе автор рассматривает трансформацию нарратива о войне при Никите Хрущеве, его десталинизацию и «советизацию». Далее, в четвертой главе Брунстедт анализирует преобразования памяти о войне в брежневский период, когда она стала основой идеологии многонационального государства. Наконец, в пятой главе автор отходит от хронологического принципа и анализирует деятелей культуры, пытавшихся преподнести войну в руссоцентристских рамках. Структура книги помогает проследить изменения в памяти о войне, а также конкурирующие описательные модели, в различных формах существовавшие в 1940–1980-е годы.

Сначала автор описывает наиболее ранние интерпретации войны, а также анализирует известный тост Сталина «за великий русский народ» и его значение для нарратива о войне. Он полагает, что хотя сталинская речь соответствовала доминировавшему в идеологии руссоцентризму, в стране продолжило существовать и альтернативное ему интернациональное прочтение, в рамках которого победа над фашизмом воспринималась как демонстрация преимуществ социализма и результат усилий всех народов в составе СССР. Как пишет Брунстедт, в это время оба варианта описания событий войны – советский и руссоцентристский – были легитимными.

Во второй главе исследователь фокусируется на праздновании Дня Победы, который с 1949 года перестает быть государственным праздником, а все коммеморативные практики по этому поводу проводятся на местном уровне. При этом, как отмечает автор, символическая политика позднего сталинизма была одновременно и «амнезийной», и «одержимой» войной: в стране развернулись дискуссии о

создании масштабных военных мемориалов (впоследствии не реализованных), в 1940-е годы про недавние события было создано большое количество фильмов и книг, а память о войне использовалась руководством СССР для мобилизации населения на послевоенное восстановление.

В той же главе Брунстедт полемизирует с Дэвидом Бранденергером и его идеей «сталинского руссоцентризма» (Бранденбергер 2017). Бранденбергер анализировал советскую пропаганду времен войны, объяснявшую, что СССР победит нацистов потому, что советская власть выступает наследницей государственных традиций, позволявших России в течение всей своей истории успешно отражать нападения врагов. Не оспаривая этого наблюдения, Брунстедт отмечает, что в советском агитпропе встречались и другие оценки происходившего. Так, вспоминая о российских героях, пропаганда в то же время апеллировала к успехам советской власти и советскому интернационализму, «сплотившему советский народ перед лицом опасности». Другими словами, Брунстедт считает, что советская мемориальная культура и послевоенный патриотизм были весьма эклектичными структурами, вобравшими полярные и несвязанные между собой мифы, сюжеты и образы. Дореволюционное прошлое в них использовалось для сохранения иерархии в рамках идеи «дружбы народов», а «советская» интерпретация победы в войне была новым вариантом патриотической мобилизации.

Третья глава посвящена хрущевской десталинизации, выразившейся в отказе от «свободной» конкуренции двух нарративов и в насаждении интернациональной или «советской версии» Великой Отечественной войны, в которой победа – это коллективное достижение всех народов СССР. Это решение Брунстедт связывает с тем, что десталинизация и конфликт поколений привели к поиску новых источников политической легитимности и новых идей для патриотической мобилизации. В результате именно Великая Отечественная война, помещенная в советский интернациональный нарратив, стала фундаментом национальной идеологии, отодвинув на задний план идею о русском народе как первом среди равных и закрепив за ней дореволюционное и раннесоветское прошлое.

В четвертой главе Брунстедт рассматривает память о войне в период зарождения и расцвета культа победы (1960–1980-е гг.). Основная идея этой части книги выстроена вокруг мысли о том, что в брежневский период в политике памяти отсутствовал разрыв с эпохой Хрущева, более того – между этими двумя периодами существовала преемственность. Тем не менее из специфического – в эти годы стал доминировать «героический» нарратив, произошло частичное возрождение культа личности Сталина, в рамках мифа Малой земли сформировался культ Леонида Брежнева, праздники стали более масштабными, было возведено большое количество масштабных монументов. Кроме того, автор указывает на стремление руководства страны объединить руссоцентристский и советский нарративы при помощи идей патриотизма, почитания традиций, антизападничества и любви к Родине. Двойственность этого подхода обнаруживается и в памятниках: внешне люди, изображенные на них, напоминали русских, однако в сопроводительных текстах и сценариях экскурсий указывались разные национальности и подчеркивался тот факт, что победа не принадлежала какому-либо конкретному

народу. Так, Великая Отечественная война использовалась как для примирения этих двух тенденций, так и для сдерживания национализма, суть – объединения всех советских народов.

В заключительной главе автор исследует легитимные формы проявления позднесоветского русского национализма в СССР. Общественная кампания по сохранению памятников архитектуры, противостоявшая антирелигиозной политике Хрущева, институционализировалась в конце 1960-х годов в форме создания в Советском Союзе обществ охраны памятников истории и культуры. Другое проявление русского национализма, по мнению автора монографии, связано с ростом популярности в советском обществе «деревенской прозы», романтизированной русское крестьянство и выступавшей с критикой политики властей в российской деревне. Брунстедт полагает, что, несмотря на то, что радикальные и антисоветские формы национализма в СССР подавлялись и преследовались, «русоцентристская элита» получила в позднесоветские годы ключевые позиции в государственных и культурных органах и учреждениях и благодаря открывшимся возможностям стала определять культурную повестку. Так, наиболее влиятельными проводниками русского национализма в 1960–1970-е годы оказались члены Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК), сотрудники журналов «Наш современник» и «Молодая гвардия». Тем не менее даже в эти годы руссоцентризм концентрировался вокруг дореволюционного прошлого, а Великая Отечественная война тщательно оберегалась руководством страны от националистических трактовок.

Развивая эту тему, Брунстедт полагает, что власти пошли на создание ВООПИиК в то же время, когда утверждался культ победы, – вероятно, чтобы предоставить русским националистам возможность заниматься дореволюционной историей и русской культурой, не трогая при этом войну. В целом соглашаясь с авторской оценкой деятельности ВООПИиК, замечу, однако, что в РСФСР эта организация возникла одной из последних. Если в Грузинской и Латвийской ССР республиканские общества охраны памятников истории и культуры появились уже в 1959 году, в Азербайджанской ССР – в 1962-м, в Армянской ССР – в 1964-м, в Литовской ССР – в 1965-м, то в Киргизской, Молдавской, Белорусской, Украинской ССР и РСФСР – только в 1966 году (Болтунова 2023). Связав появление обществ с ростом национализма в СССР, получается, что русский его вариант получил легитимацию одним из последних, уступив первенство другим советским республикам.

Кроме того, общество в своей деятельности уделяло существенное внимание посвященным Великой Отечественной войне мемориалам и воинским захоронениям вне зависимости от места их расположения и национальности погибших. Так, предположение автора о разделе ответственности за наследие между «национально ориентированными» активистами из ВООПИиК и «интернационально ориентированными» государственными программами советского воспитания кажется слишком схематичным и упрощенным.

В целом же исследование Джонатана Брунстедта не только обогащает наши представления о советской памяти о войне, но и вносит вклад в дискуссию о русском национализме и интернационализме в СССР, различных целях и задачах со-

ветского и руссоцентристского нарративов. В этом плане книга будет интересна исследователям советской истории, занимающимся вопросами памяти о войне, национальной политики и сохранения исторического наследия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Болтунова, Екатерина. 2023. «Прошу считать меня членом общества»: советские добровольные общества охраны памятников и рефлексия об историческом прошлом в 1960–1980-е гг.». Тезисы XXIX международной конференции «Банские чтения»: «Неимперская Россия: образы, идеи, практики», 10 апреля. <https://www.hse.ru/rrh/news/826642207.html>.
- Бордюгов, Геннадий. 2010. *Октябрь. Сталин. Победа*. М.: АИРО-XXI.
- Бранденбергер, Дэвид. 2017. *Сталинский руссоцентризм: советская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956 гг.)*. М.: Политическая энциклопедия.
- Митрохин, Николай. 2003. *Русская партия: движение русских националистов в СССР, 1953–1985 годы*. М.: Новое литературное обозрение.
- Amar, Tarik. 2015. *The Paradox of Ukrainian Lviv: A Borderland City between Stalinists, Nazis, and Nationalists*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Brudny, Yitzhak. 1998. *Reinventing Russia*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Davis, Vicky. 2017. *Myth Making in the Soviet Union and Modern Russia: Remembering World War II in Brezhnev's Hero City*. London: Bloomsbury Publishing.
- Mijnssen, Ivo. 2021. *Russia's Hero Cities: From Postwar Ruins to the Soviet Heroarchy*. Bloomington: Indiana University Press.
- Tumarkin, Nina. 1994. *The Living and the Dead: The Rise and Fall of the Cult of World War II in Russia*. New York: Basic Books.